

УДК 9(571.1/5)

Социальная история Сибири 50–80-х гг. XIX в. в материалах всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов

А. С. Маджаров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Е. Л. Пономарева

Информационно-методический центр развития образования, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены происхождение, содержание и значение отчетов генерал-губернаторов Восточной Сибири для истории края в XIX в.

Ключевые слова: всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов, исторический источник, происхождение, содержание, значение, формуляр, территория, население, медицина, образование в Восточной Сибири XIX в.

Происхождение всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов

Всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов – источник по истории Восточной Сибири. Их содержание охватывает многие, если не все, стороны жизни края, а периодичность документа позволяет проследить явления политической и социально-экономической жизни региона в развитии.

Отчеты по управлению Сибирью конца 50-х – начала 80-х гг. XIX в. хранятся в 24-м фонде Государственного архива Иркутской области. Этот фонд содержит документы Главного управления Восточной Сибири (ГУВС) Министерства внутренних дел Российской империи, г. Иркутска, Иркутской губернии за 1822–1887 гг. В фонде хранится 22 отчета генерал-губернаторов Восточной Сибири, составленных в период с 1858 по 1882 г.¹ Указанный комплект документов является полным.

¹ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1858 год // ГАИО. фонд 24. Оп. 9. ОЦ дело 636; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1859 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело 639; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1860 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело 649; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1861 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело 649; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1862 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело 667; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по

Каждый отчет представляет собой дело, которое включало в себя несколько документов: опись материалов, выписку из журнала Главного управления Восточной Сибири, текст отчета, рапорты о представлении материалов для отчета, выписку с замечаниями, сделанными императором по прочтении бумаги, переписку должностных лиц края о принятии мер по устранению указанных в отчете недостатков.

Документы в деле были взаимосвязаны. Выписка из журнала ГУВС содержала дату составления отчета и косвенно указывала на его авторов. Замечания императора и работа по их устранению свидетельствовали о том, что источник активно использовался в процессе управления.

Как правило, отчет состоял из 100–110 листов. Документы упомянутой разновидности, составленные при вступлении генерал-губернатора на должность или его уходе с поста, были более краткими (30–40 листов). Таковы отчеты генерал-губернаторов М. С. Корсакова (1870 г.), Н. П. Синельникова (1871 г.) и Д. Г. Анучина (1880 г.).

Назначение документа – контроль центрального правительства над выполнением задач внутренней и внешней политики на местах. Наместник должен был доносить о наиболее важных с его точки зрения моментах истории края, которые характеризовали развитие региона в русле истории государства.

Сначала отчет генерал-губернатора, в отличие от отчета губернатора, не имел четкого формуляра. Такой формуляр появился позднее. Он представлял собой свод вопросов о путях реализации тех или иных целей внутренней и внешней политики государства.

управлению краем за 1863 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело 675; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1864 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело 683; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1865 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9, картон 1899. Д. 57; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1866 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9, картон 1900. Д. 76; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1867 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9, картон 1901. Д. 101; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1868 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9, картон 1903. Д. 130; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1869 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9, картон 1904. Д. 151; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1870 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9, картон 1905. Д. 168; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1871 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело 692; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1872 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9, картон 2034. Д. 99; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1874–1875 годы // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело 713; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1875–1876 годы // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело 721; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1876–1877 годы // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело 736; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1878 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело 742; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1879 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело 751; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1880–1881 годы // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело 773; Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1882 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ дело.

Структура отчетов частично определялась наказом для гражданских губернаторов 1835 г., а также трансформирующейся внутренней и внешней политикой государства.

Некоторые темы в отчете присутствовали постоянно: развитие промышленности, организация ссылки и каторги и т. п. Другие – рождались в процессе управления: заселение вновь полученных территорий Дальнего Востока, налаживание путей сообщения с ними и т. д.

При составлении всеподданнейших отчетов генерал-губернатор основывался на Своде Законов Российской империи. Указывались сроки подачи документов и источники, на основании которых он должен был быть написан. Отчет составлялся ежегодно самим генерал-губернатором и специально назначенными чиновниками на основании собранных материалов, раскрывающих разные направления управления краем.

Источниками при составлении документа являлись: донесения исправников о состоянии сельского хозяйства, отчеты фабрик и заводов, сведения о народонаселении, отчеты по дипломатической части, донесения с мест о важных и чрезвычайных происшествиях, отчеты губернаторов и статистические ведомости к ним, другие документы.

Сначала составлялся черновой вариант бумаги, затем его читал и правил генерал-губернатор. О правке свидетельствуют пометки, сделанные на полях документа. Генерал-губернатор, в частности, по-новому компоновал текст, указывал на необходимость перенесения того или иного фрагмента документа в другой раздел, подчас вместо вычеркнутого раздела давал свой вариант текста и т. д. [4]. После этого документ по указанию генерал-губернатора переписывался набело специально нанятым писцом, обладающим хорошим почерком. Работа писца оплачивалась.

Разделы формуляров включали такие темы: движение народонаселения, казенные фабрики и заводы, золотопромышленность, торговля, народная нравственность, преобразования в администрации и суде, ход колонизации приамурских земель, войска, добыча полезных ископаемых, состояние сибирской флотилии, устройство телеграфа, развитие хлебопашества и скотоводства, положение и быт сибирских сословий, образование, медицинская часть, освоение острова Сахалин, каторга и ссылка, дипломатические отношения, состояние путей сообщения и другие, касающиеся развития края.

Последовательность глав в документе определялась государственной политикой, в контексте которой рассматривались местные проблемы. Документ включал в себя сведения по всем территориям наместничества.

Отчет мог выходить за рамки формуляра. Например, отчеты Д. Г. Анучина за 1881–1882 гг. были целиком посвящены вопросу образования Приамурского генерал-губернаторства, которое до 1884 г. входило в Восточно-Сибирское наместничество. В отчете за 1880–1881 гг. генерал-губернатор приводил доводы против предстоящей реформы, считал, что вновь созданная административная единица не сможет самостоятельно себя обеспечивать и нуждается в дальнейшем укреплении экономических, социальных и культурных связей с Восточной Сибирью.

В отчете за 1882 г., говоря о том, что «...вопрос о разделении Восточно-Сибирского генерал-губернаторства следует считать предрешенным...», наместник предлагает свою помощь будущему начальнику нового края и в то же время выступает против включения в состав этой территории Забайкальской области [9, с. 14].

Генерал-губернатор, формируя отчет, обращал внимание на значимые в контексте своего времени социальные процессы и структуры, игравшие важную роль в жизни общества: экономику, образование, здравоохранение, демографию и др.

Как представитель центральной власти, он воспроизводил в формуляре отчета общую структуру и направление развития сибирского общества 50–80-х гг. XIX в., выделяя, в рамках определенной формы документа, наиболее значимые проблемы региона и намечая пути их решения.

Территория и население

Особенности эпохи – экономика, демография, потребности образования и здравоохранения, ссылка и другие проблемы региона нашли отражение на страницах губернаторских отчетов.

Важнейшим геополитическим фактором развития региона генерал-губернаторы считали освоение территории населением (в историографии второй половины XIX в. этот процесс называли колонизацией). Поэтому отчет обычно начинался с раздела, характеризующего демографические процессы в крае и их влияние на освоение, социально-экономическое развитие территории.

В 50–80-х гг. XIX в. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство состояло из двух губерний: Иркутской и Енисейской и 4 областей: Якутской, Забайкальской, Амурской и Приморской. Его площадь, согласно данным, приведенным в отчете 1864 г. генерал-губернатором М. С. Корсаковым, составила: «750 000 000 кв. в., в том числе под Якутской областью считается 3 400 000, под Енисейской губернией – 2 миллиона с небольшим кв. в., под Забайкальской областью – около 600 000 верст, под Иркутской губернией – около 500 000, под областями Амурской и Приморской – до 1 миллиона кв. в.» [5, с. 5].

Результаты измерений, которые привел генерал-губернатор, были приблизительными. Корсаков указывал, что «точно измеренной земли, кроме Якутской области, в которой измерения почти не производились, считается не более 140 000 в., т. е. 1/53 часть всего пространства. Недоступность огромного пространства Восточной Сибири точным измерениям, при тех ограниченных средствах, которые для сего имеются, заставляет местную администрацию заботиться о возможно скорейшем приведении в известность и снятии на план населенных земель и казачьих оброчных станций» [5, с. 5–5 об.].

Однако даже приблизительные подсчеты давали цифру достаточно внушительную. Данные о размерах генерал-губернаторства, о численности населения в документе приводились для того, чтобы подчеркнуть факт недостаточной плотности населения – главной помехи в развитии хозяйства и укреплении государства.

Генерал-губернатор М. С. Корсаков обращал внимание в отчете на тот факт, что «...общее число родившихся превышает число умерших». Тем не менее в целом численность населения не покрывала потребностей Восточной Сибири. «Движение народонаселения в крае, – заключал Корсаков, – весьма неудовлетворительно...» [4, с. 7].

В отчетах приводились приблизительные данные о численности народонаселения. Точные данные отсутствовали. О причинах пробелов в статистике сообщалось, что «...по обширности края... средств к удовлетворительным статистическим выводам» не имелось, а в Приморской и Амурской областях собирать такие сведения было некому [4, с. 6 об.].

Неутешительные выводы напрашивались и при сравнении численности сибирского населения, проживавшего на огромной территории, с численностью населения Европейской России. Генерал-губернаторы отмечали недостаточность естественного прироста населения для освоения края, считали необходимым переселение в Сибирь крестьян из Европейской России.

Эта особенность сибирской колонизации – преобладание «пространства над числом народонаселения», была подмечена и в русской историографии второй половины XIX в. [10, с. 271].

Особенно ярко влияние упомянутого несоответствия было представлено в анализе переселения на Дальний Восток, где естественный ход колонизации более всего соединялся с задачами государственной политики. Переселенцы, осваивая земли и развивая хозяйство, способствовали закреплению этих земель за Российской империей. Поэтому во всеподданнейших отчетах освоение Приамурского края анализировалось наиболее подробно.

Описывая переселения на Амур, генерал-губернаторы отмечали, что заселение этих территорий идет не так быстро, как планировалось центральным правительством. В отчете за 1862 г. М. С. Корсаков указывал, что успешно идет колонизация Амура только казачьими семьями. «Что же касается до свободного переселения на Амур крестьян из внутренних губерний, – подчеркнуто в документе, – то оно в минувшем году было незначительно. Из слишком 1250 переселенцев ожидавшихся только в Амурской области прибыло только 131 человек. Такое несоответствие прибывших переселенцев с числом поступивших прошений, по коим дано было предписание, произошло отчасти от встреченных переселенцами затруднений в пути следования, вследствие чего иные не успели достигнуть цели назначения своего, и остались зимовать в дороге, а другие по невозможности дальнейшего следования даже на жительстве в Западной Сибири» [3, с. 50–51 об.].

Генерал-губернатор указывал, что при достаточном количестве свободных земель и несомненной пользе государству от такого переселения сибирская администрация не может должным образом помочь переселенцам ввиду ограниченности средств и ходатайствовал о помощи государства переселяющимся на Амур.

Ситуация с годами почти не менялась. В отчете за 1874–1875 гг. генерал-губернатор А. П. Фридерикс отмечал: «Переселение на Амур из внутренних губерний Европейской России, принявшее вначале довольно внушительные

размеры, в последнее время значительно ослабело, и даже почти совсем прекратилось». Причины этого явления следующие: 1) обширность пространства, отделяющего эти области от густонаселенных частей империи. Переселенцы, находящиеся в пути около 1 ½ или 2 лет, вынуждены, не доходя Амура, поселиться в Западной Сибири или Оренбургском крае; семейств, не дошедших по назначению, насчитывается до 2900; 2) стеснительные условия, воспрепятствующие переселению крестьян имеющих более 5 десятин земли на ревизскую душу; 3) невыдача денежного пособия или ссуд ранее прибывшим на место поселения; 4) периодически повторяющиеся наводнения на Амуре, вселяющие недоверие в возможности прочной оседлости» [7, с. 39–39 об.].

Кроме свободного переселения в Сибири существовала штрафная колонизация. Ссылнокаторжные, оставленные на поселение после отбывания срока наказания, и каторжные использовались на казенных работах. Эта категория сибирского населения заселяла самые отдаленные территории края и своим трудом способствовала их освоению.

Быт населения

Развитие сибирского общества рассматривалось в разделе отчета «Быт сословий Восточной Сибири». Генерал-губернаторы, анализируя обыденную жизнь всех слоев сибирского населения: городских обывателей, крестьян-переселенцев, духовенства, казаков, государственных крестьян, инородцев, ссыльных, иностранцев, иноверцев и т. д., сравнивали его с бытом сословий в Европейской России, что позволяло делать выводы об уровне жизни в крае и перспективах его развития.

Раздел о быте сословий строился по следующему плану: характеристика условий и уровня жизни, констатация основных проблем и мер, которые необходимо принять для улучшения жизни населения. Описание условий жизни сословий сопровождалось характеристикой функций общественной группы, о которой шла речь в отчете, в социуме. Например, в отчете за 1864 г. генерал-губернатор М. С. Корсаков, характеризуя повседневную жизнь горожан, писал: «В общем числе населения, городское сословие составляет не более 6 %, отношение, ясно доказывающее, что городская жизнь в крае развивается очень мало. И действительно, из мест, носящих название городов, едва ли 1/3 может быть по справедливости названа городами. Все прочие имеют значение, как административные пункты; ...Весьма естественно, что при подобном... незначительном числе городов, городское благоустройство находится в самом неудовлетворительном состоянии, ... и городские жители совершенно не знают тех удобств, которые везде составляют основное отличие городской жизни...» [5, с. 9 об. –10].

Описание быта сопровождалось выявлением роли сословия в жизни края. Характеристика условий жизни духовенства связывалась в документе с анализом миссионерской деятельности священнослужителей. Быт казаков рассматривался в контексте их службы на границе и в русле организации этой службы, а крестьян – описывался в разделах отчета о сельском хозяйстве и т. д.

В том же отчете генерал-губернатора М. С. Корсакова за 1864 г. сказано, что «материальный быт сословия государственных крестьян можно считать достаточно обеспеченным. Изобилие удобных для хлебопашества земель и существующих в крае многих и обычных промыслов, доступных сельскому населению, дают ему полную возможность достигнуть желаемого в этом быту благосостояния» [5, с. 12 об.].

Сведения отчетов раскрывали роль различных слоев населения в социальной структуре сибирского общества 50–80-х гг. XIX в. и свидетельствовали об изменениях в составе группы и ее функции.

Отдельно в отчетах рассматривался быт сибирских инородцев. Главные начальники края указывали территории, заселенные племенами, анализировали характер занятий: переход от кочевой жизни к хлебопашеству и т. д.

В отчете за 1858 г. генерал-губернатор Н. Н. Муравьев-Амурский писал о «племена чукчей»: «На северо-востоке Сибири между реками Колымою, Анадырем и Беринговым проливом обитает еще мало изведенное племя чукчей, не признающих себя вполне поданными России... Чукчи начали выходить в Колымский округ Якутской области для мены с русскими в 1788 г. В последние годы оные являлись на ярмарку... в числе от 50 до 600 человек со своими начальниками тоеонами. Прибыв на место, простой народ и родоначальники принимали подданство России, крестились и обязывались платить ясак по красной лисице с каждого владеющего луком чукчи...» [1, с. 50].

Сведения о сибирских племенах характеризовали важный период их перехода в русское подданство. Соответственно изменялся их быт – расширялся круг хозяйственной деятельности (занятия земледелием, работа на промыслах по найму и т. п.). Аборигены стали использовать огнестрельное оружие, неводы, большие гарпуны и т. п. В обиход входили русская одежда, баня, предметы быта [11, с. 162]. Изменение быта сибирских инородцев в отчетах представлялось частью государственной политики по освоению территории и укреплению границ государства.

Прочим социальным группам – иноверцам, ссыльнокаторжным и другим во всеподданнейших отчетах уделялось незначительное внимание. Только в одном из отчетов изучаемого периода – Н. Н. Муравьева-Амурского за 1858 г. – приводились учетные данные о количестве иноверцев с указанием принявших православие. Также упоминалось количество раскольников и вернувшихся к общепринятой государственной религии, а также количество иностранцев и их основные занятия.

В отчете приводились следующие статистические данные по «раскольникам»: «Раскольников в 1858 г. было:

- 1) приемлющих священство м. п. 8402 ж. п. 8572
- 2) безпоповских сект
 - а) признающих брак м. п. 393 ж. п. 328
 - б) не признающих брак м. п. 620 ж. п. 553
- 3) молокан, духоборцев, иконоборцев м. п. 310 ж. п. 215
- 4) субботников или иудействующих м. п. 1320 ж. п. 539

5) скопцов, хлыстов, шалапутов и др. придерживающихся скопчества м. п. 548 ж. п. 288

Всего 22 381

Из этого числа находилось в Иркутской губернии 577, в Енисейской губернии 1811, в Забайкальской области 19539, в Якутской области 454.

В течение года присоединилось к православию из разных сект 16...» [1, с. 58 об. – 59].

В разделе «О ссыльных» сообщалось об уголовных преступниках. Основное внимание здесь уделялось вопросу их расселения после окончания срока отбывания наказания. Указывалось на отрицательное влияние уголовной ссылки на нравственность местного населения.

Подчас в отчетах, например Н. Н. Муравьева-Амурского за 1858 [1] и 1859 [2] гг., приводились учетные данные о количестве бессрочно-отпускных нижних чинов. Основное внимание в документе уделялось обеспечению бывших служащих в старости, поэтому указывались их место проживания и способы заработка.

Состояние и развитие медицины в регионе

В отчетах представлен подробный анализ состояния образования и медицины в регионе. Генерал-губернаторы Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков, Н. П. Синельников, П. А. Фридерикс, согласно представленным данным, ратовали за развитие медицины и образования в регионе.

Особенно актуальным вопрос о здравоохранении и образовательных учреждениях стал в 60–70-х гг. XIX в. в процессе проводимых в стране реформ.

Проблема здравоохранения в Сибири всегда стояла остро. Недостаток врачей, общая неграмотность населения в вопросах гигиены, как отмечала не только демократическая пресса, но подчеркивали и чиновники, порождали многочисленные эпидемии и высокую смертность населения.

Выводы генерал-губернаторов о состоянии медицины в Сибири частично совпадали с мыслями на этот счет, высказанными их современником, историком России, сибиряком А. П. Щаповым. «В физиологическом или гигиеническом отношении, – писал он, – земледельческие поселения у нас предоставлены силам природы и почти вовсе не имеют медицинских средств бороться с ними» [10, с. 273].

Согласно материалам отчетов, обычными болезнями в Восточной Сибири были проказа, оспа, краснуха и др. Так, в отчете Н. Н. Муравьева-Амурского за 1859 г. констатировалось: «Заразительных болезней было много... По Иркутской губернии... натуральная оспа... была занесена из внутренних губерний России, партиями нижних чинов следующими... для причисления к казачьим войскам, и переселенцами...» [9, с. 83 об. – 84]. В отчете за 1874–1875 г. генерал-губернатора П. А. Фридерикса тема повторялась: «В отчетном году Восточная Сибирь страдала от разных эпидемических болезней. В Иркутской губернии свирепствовала оспа, особенно между инородцами, крайне недоверчиво относящихся к оспопрививанию и, кроме того, живущими в дурных гигиенических условиях» [7, с. 24–24 об.].

Как правило, в документе приводились данные о количестве заболевших и умерших от указанных эпидемий.

Особенно беспокоил начальство края размах распространения болезней, в том числе сибирской проказы. Этой болезнью, которая передавалась по наследству, оказывались зараженными целые поселения. По мнению генерал-губернаторов, средств бороться с болезнью не было – в крае не хватало врачей.

Характеризуя состояние здравоохранения, генерал-губернаторы подчеркивали нехватку врачей, больниц и аптек в крае. Так, согласно отчету 1858 г. генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского; «всех врачей в Восточной Сибири 66, а именно в Иркутской губернии 10, в Енисейской 23, Якутской области 11, Кяхтинском градоначальстве – 14. Из них состоит на службе – 57» [1, с. 78 об.]. Далее приводились сведения о количестве аптек и больниц в крае. Отчет свидетельствовал, что медицинскую помощь могло получить весьма ограниченное количество сибирских жителей.

Главной причиной нехватки врачей, по мнению генерал-губернаторов, было недостаточное жалование. Генерал-губернаторы Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков указывали в отчетах, что при высоких сибирских ценах врачи, получая жалование, равное со своими коллегами в других частях империи, не могут обеспечить себя. Поэтому местные жители обращаются к знахарям и шаманам за помощью, от которой нередко происходят «смертельные случаи» [1, с. 83].

Вследствие недостатка врачебной помощи население деревень оказывалось подвержено болезням, которые передавались различными путями и принимали, вследствие запущенности, большой размах. Так, например, венерическими болезнями оказались заражены целые поселки на севере края. Когда болезнь приняла угрожающие размеры, в Сибирь, по ходатайству генерал-губернатора М. С. Корсакова, приехала группа врачей, организовавшая массовое обследование населения и с успехом проведшая лечение. Однако врачи были командированы в Сибирь только на 3 года. После окончания срока, несмотря на все ходатайства генерал-губернатора, они покинули регион.

Генерал-губернаторы обращались в отчетах с ходатайствами к центральной власти. Они хлопотали об увеличении количества врачей в крае, прямо указывая, что слабое развитие медицинской части в крае мешает процессу освоения территории, противоречит выполнению ими своей миссии – укрепления государства и его границ.

Состояние образования в регионе

Наряду с проблемами здравоохранения в крае наместники в отчетах указывали на низкий уровень развития образования. Общий уровень образования в регионе характеризовался как неудовлетворительный. Генерал-губернаторы отмечали стремление сибирского общества к обучению. Однако это желание, заявленное чиновниками официально, не находило отклика в органах центрального управления, в частности в Министерстве просвещения. Не было средств на увеличение жалования преподавателям, на содержание старых учебных заведений и на открытие новых.

В некоторых учебных заведениях жалование преподавателей составляло 50 руб. в год. «Естественно, – писал генерал-губернатор П. А. Фридерикс в отчете за 1876–1877 гг., – ...за такое ничтожное содержание невозможно найти сколько-нибудь опытного и делового учителя, и поэтому нередко приходится верить обучению... лицам совершенно не подготовленным к педагогическому труду» [8, с. 53–53 об.].

В другом, более раннем его отчете за 1874–1875 гг., сказано, что, несмотря на принятые местной администрацией все возможные, меры, недостаток учителей по-прежнему значителен. Например, «в уездных училищах Восточной Сибири по штату должно быть 9 штатных смотрителей и 36 учителей, из них вакантны 2 должности штатного смотрителя и 15 учителей... Несомненно, – продолжал генерал-губернатор, – что пока жалования учительских чиновников в Восточной Сибири будут те же, какие существуют в Европейской России, до тех пор... учащимся... придется довольствоваться не только такими, которые не научат к концу года ученика писать без ошибок, но и людьми не трезвыми» [7, с. 72–73 об.].

В регионе прежде всего требовались люди, обладающие знаниями в сфере производства и сельского хозяйства. Об этом свидетельствовали и отчеты. Так, в посланиях генерал-губернаторов Н. Н. Муравьева-Амурского, М. С. Корсакова, А. П. Фридерикса говорилось о необходимости обучать практическим навыкам ведения хозяйства и для этого создавать учебные фермы, об открытии технических училищ и т. д. Правда, в других отчетах (генерал-губернатора Н. П. Синельникова) сообщалось и о нехватке учителей древних языков в образовательных учреждениях Якутской области.

Так, в отчете за 1874–1875 гг. сообщалось о практической реализации планов в сфере образования и возникающих при этом трудностях: «Потребность в учебных заведениях для технического образования вполне доказывается теми усилиями, какие предпринимаются с 1865 г., со стороны главного местного начальства и общества, к открытию Технического училища в Иркутске.

Ходатайство об этом 19-го августа 1873 г. удостоилось Вашего Императорского Величества утверждения, а 3-го февраля 1874 г. учреждение открыто под Августейшим попечительством Государя Великого Князя Алексея Александровича. В этом учреждении при открытии его было 62 воспитанника, в течение года это число почти утроилось, и многим желающим поступить (около 40) отказано по недостатку средств.

Принимая в соображение, что до сих пор Иркутское техническое училище получает средства некоторых золотопромышленников, винокуренных заводчиков, пожертвования коих определяются... процентом с их годового производства, отчего средства учреждения находятся в полной зависимости от разнообразных случайностей, определяя выгоды производства, я ходатайствую перед Министерством Финансов в выгодах прочного устройства этого учреждения, о назначении ему субсидий от казны... Без этой помощи оно не может существовать в том виде и размере, как это необходимо для насущных и безотлагательных потребностей Сибири» [7, с. 8 об.–9].

О меценатстве

Если характеристике демографических процессов, описанию быта и социального состава населения, анализу проблем образования и медицины в отчетах уделялось достаточно много внимания, то духовная жизнь общества практически не рассматривалась. Факты из сферы духовности и культуры в отчетах приводились в качестве примеров для иллюстрации новых явлений в отдельных отраслях экономики, социальной жизни и политики. Например, рассуждая о духовном развитии общества, генерал-губернаторы приводили примеры «подвигов благотворения» по постройке богоугодных заведений, церквей и т. д. Так, генерал-губернатор Н. П. Синельников писал в отчете за 1871 г.: «Капиталы Восточной Сибири ознаменовали свое стремление к добру и общей пользе значительными пожертвованиями. Почетный гражданин Сибиряков предложил в мое распоряжение, желая скрыть свое имя, на Богоугодные заведения 100 т. р., но, отклонив это, я просил его деньги отправить в городскую думу на устройство богадельни, приняв на себя звание Попечителя... Камер-советник Базанов предложил мне 80 т. р. на устройство в крае какого-либо учебного заведения по военному ведомству с поименованием оного Базановским... Камер-советник Немчинов внес также в мое распоряжение на постройку церкви и устройство города 25 т. р. ...» [6, с. 14].

Приведенные в отчетах данные о меценатстве, появлении попечительных советов, организованных сибиряками, генерал-губернаторы рассматривали прежде всего как характеристику роли купечества в развитии общества.

Заключение

Всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов Восточной Сибири по управлению краем – важный источник по истории нашего региона. Форма, структура, содержание отчетов, их эволюция являются фактом, частью реальности XIX в. и, одновременно, рассказом о ней, анализом специфики жизни в регионе, составленным с высоты птичьего полета, формальной организации губернаторской власти. Но существовала и жизнь «на земле» – крестьянина, купца, ссыльного, старообрядца, врача, педагога, революционера, которым, возможно, жизнь в Сибири и ее перспективы виделись иначе. Раскрытие действительного значения губернаторских отчетов как исторического источника предполагает их включение в контекст «всей истории» указанного времени и региона. На этом пути возможно увидеть и понять новое в специфике функционирования власти в регионе, в вопросах взаимодействия центра и провинции и во многих других конкретных вопросах истории жизни в Восточной Сибири.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. Д. 636.
2. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 639.
3. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 667.
4. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 675.
5. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 683.
6. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 692.

7. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 713.
 8. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 736.
 9. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 781.
 10. *Маджаров А. С.* Афанасий Прокопьевич Шапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории» / А. С. Маджаров. – Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1 им. В. М. Посохина, 2005. – 528 с.
 11. *Наумов И. В.* История Сибири : курс лекций / И. В. Наумов. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003. – 256 с.

Social History of Siberia in 1850–1880s, Presented in the Governor-Generals' Reports

A. S. Madzharov

Irkutsk State University, Irkutsk

E. L. Ponomareva

Information and Methodological Center for Education Development, Irkutsk

Abstract. The article deals with the reports by the Governor-Generals of Eastern Siberia. The reports' content and importance for the local history in the XIXth century are considered.

Keywords: Governor-Generals' reports, historical source, origin, content, importance, blank form, territory, population, medicine, education in Eastern Siberia in the XIXth century.

Маджаров Александр Станиславович
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-05-22
e-mail: massa49@yandex.ru

Madzharov Alexander Stanislavovich
Doctor of Sciences (History), Professor,
the Department of Modern National History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)24-38-75
e-mail: mas@home.isu.ru

Пономарева Елена Леонидовна
кандидат исторических наук, методист
Информационно-методический центр
развития образования
664000, г. Иркутск, ул. Ленина, 26
тел.: 8(3952)34-37-05
e-mail: ei1976@bk.ru

Ponomareva Elena Leonidovna
Candidate of Sciences, Methodologist
Information and Methodological Center
for Education Development
26, Lenin st., Irkutsk, 664000
tel.: 8(3952)34-37-05
e-mail: ei1976@bk.ru